

4) беззональный, или текущий, когда уголовные дела рассматриваются судьями по поручению председателя суда, а гражданские – все те, по которым судья принял жалобы и заявления во время приема граждан.

Также можно выделить и другие принципы распределения поступающих в суды уголовных и гражданских дел, например алфавитный, где в качестве критерия при распределении уголовных дел может быть использована первая буква фамилии обвиняемого. При этом если по делу проходит несколько лиц, то в расчет берется начальная буква фамилии обвиняемого, указанного первым в списке обвиняемых. Для гражданских дел критерием может служить первая буква фамилии (названия организации) ответчика.

В некоторых зарубежных государствах существует автоматизированный (компьютерный) принцип, при котором поступившие в суд дела и материалы распределяются с помощью специального программного обеспечения. Например, в Украине функционирует автоматизированная система документооборота. Персональный состав суда для рассмотрения конкретного дела определяется данной системой по принципу вероятности распределения дел при регистрации в суде исковых заявлений, ходатайств и жалоб. При определении персонального состава суда для рассмотрения конкретного дела автоматизированной системой документооборота обеспечивается учет степени загруженности каждого судьи, специализации, а также требований процессуального законодательства. Также можно выделить принцип жеребьевки, в рамках которого судьи при помощи жребия распределяют между собой дела и материалы.

Представляется, что описанные территориальный, алфавитный, автоматизированный (компьютерный) принципы и принцип жеребьевки при распределении дел, хотя и не лишены некоторых достоинств, но не влияют на качество и оперативность правосудия, а также уменьшают роль председателя суда в процессе организации работы суда по осуществлению правосудия, поскольку при использовании таких принципов не учитываются деловые качества и профессиональный опыт судьи в той или иной отрасли права, а поэтому представляется, что применение данных принципов распределения уголовных и гражданских дел возможно только при наличии совокупности следующих факторов: равномерной загруженности судьей на момент распределения дел; наличия у судей, работающих в одном суде, примерно одинакового стажа судебной работы, профессионализма, жизненного опыта и других факторов.

Несмотря на многообразие принципов, по которым может быть введена специализация судей, полагаем, что использование только одного из вышеперечисленных может снизить качество рассмотрения дел, поскольку, по нашему мнению, председатели судов при распределении дел в первую очередь должны руководствоваться следующими основными обстоятельствами и критериями в совокупности: опытом рассмотрения дел определенной категории, загруженностью судьи на момент распределения дел (исходя из числа оконченных производством дел и работавших в данный период судей); общим стажем работы судьей, жизненным опытом, профессионализмом судьи, которому распределяется дело; общественной значимостью рассматриваемого дела и др.

Данные факторы должны приниматься во внимание, поскольку, с учетом своего опыта, председатели судов могут спрогнозировать перспективу поступившего дела, ибо им не нужны отмены и даже изменения приговоров и решений суда, так как стабильность и законность принятых постановлений является одним из критериев оценки работы суда и его председателя.

С учетом вышеизложенного видится наиболее приемлемым сочетание предметного (функционального) и текущего принципа распределения дел, но без строгого их применения, и с учетом требований Послания и изданного в его развитие постановления Министрства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2012 г. «Об организации работы», исключающих личный прием судьями.

УДК 343.1

О.В. Рожко

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В настоящее время в Республике Беларусь достаточно широко распространен отказ в возбуждении уголовного дела при наличии оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК Республики Беларусь. Это обстоятельство, которое исключает производство по уголовному делу, закреплено в п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь. При отсутствии четко сформулированных в уголовно-процессуальном законе оснований к отказу в возбуждении уголовного дела оно позволяет органам уголовного преследования использовать его для обоснования императивного вывода о невозможности начала предварительного расследования.

В то же время такая практика, на наш взгляд, не совсем адекватна истинному предназначению указанной нормы, более того, способствует незаконному и необоснованному освобождению лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности и наказания. Приведем только один, но очень яркий пример. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий был задержан гражданин Афганистана Х., при личном обыске которого обнаружено опасное наркотическое средство марихуана массой 2,547 г. В ходе осмотра места проживания указанного гражданина были также обнаружены: газетный сверток и банка с марихуаной общим весом 6,389 г, три таблетки «Релиум», содержащие в своем составе опасное психотропное вещество диазепам, а также приспособления для потребления психотропных веществ и наркотических средств с остатками тетрагидроканнабиола и марихуаны. Перед производством личного обыска гражданину Х. было предложено добровольно выдать запрещенные к обороту предметы, на что он заявил, что при себе таковых не имеет. После производства соответствующих экспертиз материал проверки по указанным фактам был направлен в подразделение Следственного комитета для принятия решения о возбуждении уголовного дела, однако впоследствии возвращен обратно, поскольку не был рассмотрен вопрос о добровольной выдаче наркотических средств и психотропных веществ. В своих последующих объяснениях гражданин Х. пояснил, что обнаруженные наркотические средства он нашел на рынке и принес по месту своего проживания. Узнав о том, что за их хранение предусмотрена уголовная ответственность, решил от них избавиться, принес на опорный пункт милиции, однако не застал там сотрудников ОВД. По словам Х., при личном обыске он не сообщил о находившихся при нем наркотиках, так как растерялся и забыл о них. В итоге органом уголовного преследования было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК.

К сожалению, указанный случай не единичный, а принятие аналогичных решений по фактам совершения экономических и должностных преступлений заставляет задуматься о коррупционных мотивах, скрывающихся за юридическими формулировками постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Проблемность применения п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК, на наш взгляд, кроется в неоднозначном понимании его как обстоятельства, исключающего производство по уголовному делу, а также в гипертрофированной оценке задач, стоящих перед стадией возбуждения уголовного дела. Соглашавшись, что в определенных ситуациях, учитывая позитивное посткриминальное поведение, не имеет смысла привлекать лицо к уголовной ответственности, поскольку цели последней могут

быть достигнуты и без ее дальнейшей реализации, т. е. без осуждения и назначения наказания. Этим обусловлена возможность освобождения от уголовной ответственности за совершение ряда преступлений против собственности, против общественной безопасности и здоровья населения, против интересов службы и др. Однако прежде чем освободить лицо от уголовной ответственности, вне всякого сомнения, орган уголовного преследования должен иметь основания для привлечения гражданина к такой ответственности.

В соответствии с ч. 5 ст. 3 УК лицо подлежит уголовной ответственности только за те совершенные им общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, предусмотренные УК, в отношении которых установлена его вина, т. е. умысел или неосторожность. Другими словами, до принятия решения об освобождении лица от уголовной ответственности необходимо достоверно установить сам факт преступления, виновность лица в совершении преступного деяния, дать верную уголовно-правовую квалификацию этому деянию. Возможно ли в полной мере реализовать эти цели на стадии возбуждения уголовного дела? По всей видимости, ответ на данный вопрос будет отрицательным. Сущность первой стадии уголовного процесса заключается в проверке имеющихся поводов к возбуждению уголовного дела и установлению достаточности данных, указывающих на признаки преступления. Отсутствие обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, в данном контексте следует рассматривать не как составную часть оснований, а скорее как условие принятия решения о начале предварительного расследования. Причем условие факультативное, поскольку закон допускает возможность выявления этих обстоятельств и на последующих этапах уголовного судопроизводства. Всестороннее, полное и объективное установление всех обстоятельств совершенного деяния, наличия или отсутствия оснований для привлечения лица в качестве обвиняемого, пределов обвинения – это задачи стадии предварительного расследования. Перенесение бремени их выяснения на начальный этап уголовного судопроизводства не только не соответствует сущности последнего, но и не обеспечивается наличием в УПК необходимых для этого процессуальных средств. Так, например, согласно примечанию к ст. 328 УК лицо, добровольно сдавшее наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры или аналоги и активно способствовавшее выявлению или пресечению преступления, связанного с незаконным оборотом этих средств, веществ, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление. Очевидно, что для полного и объективного выяснения указанных фактов необходимо проведение допросов, очных ставок, выемки, при необходимости – обысков, осмотров жилищ и иных законных владений и т. д. Все это возможно лишь в рамках проводимого предварительного расследования и крайне сомнительно, что вышеперечисленные обстоятельства могут быть установлены на основании получаемых в рамках ч. 2 ст. 173 УПК и не защищенных от ложной информации объяснений. Аналогичный вывод напрашивается и при анализе примечания к ст. 431 УК, согласно которому лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки либо если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о содеянном. Достоверно выявить названные обстоятельства позволяет лишь полноценно проведенное предварительное расследование, а не его «суррогат», который на практике принято называть доследственной проверкой. Изложенное позволяет утверждать, что применение п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК как обстоятельства, исключающего производство по уголовному делу, невозможно на стадии возбуждения уголовного дела. По своему предназначению и имеющимся в своем арсенале процессуальным средствам установления фактических данных данная стадия не в состоянии обеспечить выявление всех необходимых условий для освобождения лица от уголовной ответственности. В целях недопущения незаконного и необоснованного принятия названного решения полагаем целесообразным внести изменения в п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК, изложив его в следующей редакции: «11) при наличии оснований для освобождения подозреваемого или обвиняемого от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь».

УДК 343.263.2

Т.А. Савчук

ЗАПРЕТ ОБЩЕНИЯ КАК СОПРОВОЖДАЮЩАЯ ДОМАШНИЙ АРЕСТ МЕРА: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

В соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК Республики Беларусь домашний арест заключается в изоляции подозреваемого или обвиняемого (далее – обвиняемый) от общества без содержания его под стражей, но с применением правоограничений, перечисленных в ч. 2 ст. 125 УПК. Одной из сопровождающих домашний арест мер является запрет общаться с определенными лицами и принимать кого бы то ни было у себя (п. 3 ч. 2 ст. 125 УПК), который, по мнению 66,6 % опрошенных нами практических работников является целесообразным.

В юридической литературе запрет общения интерпретируется по-разному. Одни авторы понимают этот запрет как запрет общения в устной форме (Л. Дьяконова), другие – как запрет на общение с окружающим миром (А. Александров), третьи полагают, что данный запрет не может обеспечить изоляцию лица, поскольку общение возможно с помощью световых, звуковых закодированных сигналов, знаков и иных условностей (С.И. Винокуров). Представляется, что запрет общения предполагает прекращение каких-либо непосредственных или опосредованных контактов обвиняемого в устной или письменной форме с конкретными физическими лицами. Кроме того, общение с помощью закодированных сигналов предполагает не только владение специальными навыками, знаниями, но и возможность предварительной договоренности между обвиняемым и иным лицом. Это указывает на то, что подобные закодированные сигналы могут иметь место в единичных случаях, что не должно исключать из правоприменительной практики установления запрета на общение в качестве сопровождающей домашний арест меры.

Запрет на общение с определенными лицами может распространяться на окружение обвиняемого (знакомых, друзей, коллег по работе), участников уголовного процесса, их знакомых и иных близких лиц. Однако включение потерпевшего в категорию определенных лиц не должно быть безоговорочным, поэтому при установлении запрета на общение с потерпевшим необходимо учитывать его позицию, в том числе в части примирения с обвиняемым.

По справедливому замечанию П. Мытника и Т. Скрипко, запрет общения теряет смысл в случае проживания обвиняемого совместно с другими лицами, поскольку им нельзя запретить принимать у себя посетителей. Решением данной проблемы может служить получение письменного согласия совместно проживающих с обвиняемым совершеннолетних лиц на применение домашнего ареста. Это предложение достаточно актуально, так как 38,8 % опрошенных нами практических работников считают целесообразным получение такого согласия. В этом случае совместно проживающие с обвиняемым совершеннолетние лица принимают на себя обязанность по соблюдению ими данного запрета и должны воздерживаться от приема у себя каких-либо лиц, в том числе